

**И. Фраскет**

**ОБРЕТЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ  
ИБЕРОАМЕРИКАНСКИМИ СТРАНАМИ  
И ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ  
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ\***  
**Пер. с испанского О.В. Окуневой**

*Аннотация.* В статье речь идет о взаимовлиянии событий в Латинской Америке и Европе в конце 1810-х – начале 1820-х годов. Анализируются особенности революционного процесса в Америке в связи с европейскими представлениями о революциях. Намечаются дальнейшие пути исследования темы взаимовлияния политических процессов в обоих регионах.

*Ключевые слова:* Ибероамерика, Латинская Америка, Великобритания, революции, независимость.

Фраскет Ивана – профессор, руководитель Центра по изучению XIX в. факультета истории и географии Университета Валенсии (Испания).

**I. Frasket. The Independence of the Ibero-American Countries and the European Restoration: The Problem and Prospects of Research**

*Abstract.* The author analyzes the interrelated events in Latin America and Europe in the late 1810's – the early 1820-ies and the Ibero-American revolution with regard to European revolutionary ideas. The author studies the ways of further research of such political processes in both regions.

*Keywords:* Ibero-America, Latin America, Great Britain, revolutions, the independence.

---

\* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства по делам экономики, промышленности и поощрения конкурентоспособности (Испания), проект MINECO (HAR2013-42563P).

Fracket Ivana – Professor, head of the Center for the study of the XIX century (department of history and geography, University of Valencia, Spain).

### **Состояние проблемы: Краткий обзор**

«Эпоха конгрессов» (1815–1822) – важнейший этап становления новых международных отношений в Европе после Французской революции и периода правления Наполеона Бонапарта. Этот период традиционно наиболее тщательно изучался именно с точки зрения истории международных отношений, что умаляло сложность и обширность процессов, которые выходили за пределы европейского континента и за рамки исключительно политических проблем.

Внимание историков, как правило, привлекала новая расстановка сил, сложившаяся после возвращения европейских династий на свои прежние престолы и после восстановления дипломатических представительства. На страницах исследований, посвященных 1815–1822 гг., чаще всего фигурировали взаимоотношения между государствами, дипломатические связи, представители посольств; иногда историки посвящали монографии некоторым наиболее видным личностям периода Реставрации. Краткий обзор библиографии по истории Европы эпохи конгрессов позволяет констатировать, что эта проблематика не обделена вниманием исследователей, поскольку одних только крупных обобщающих работ или трудов, рассматривающих глобальную перспективу процессов, разворачивавшихся в первой четверти XIX в., насчитывается не менее четырех десятков. Эти работы были изданы, по преимуществу, в 1960–1970-е годы или даже раньше. Одновременно с этим можно констатировать, что большинство опубликованных работ сосредоточивается на Венском конгрессе 1815 г. и редко когда включает в хронологические рамки исследований периоды до 1815 г. и с 1815 по 1830 г. или даже по 1848 г., что способствует более широкому и комплексному представлению об изучаемом предмете<sup>1</sup>.

С этой точки зрения работы по конгрессам 1820-х годов (в Троппау в 1820 г.; в Лайбахе в 1821 г.; в Вероне в 1822 г.) сравнительно немногочисленны, хотя именно эти конгрессы проходили не только в начале периода либеральных революций (и были призваны им противостоять), но и в контексте войны за независимость в Латинской Америке и первых шагов

---

*1. Классическая историография Венского конгресса необычайно широка и существует на разных языках. Упомянем здесь лишь самые значимые из использованных нами работ: [42; 41; 25; 30; 3; 12; 29]. Назовем также некоторые современные работы: [43; 2; 22]. – Здесь и далее, если не оговорено иного, примечания принадлежат автору.*

молодых южноамериканских республик<sup>2</sup>. Кроме того, концентрация на конкретном событии (подобном Венскому конгрессу) или отдельных выдающихся деятелях европейской политики уводит внимание от анализа совокупного влияния европейской Реставрации на американском континенте. Разумеется, существует ряд работ об отношениях некоторых европейских держав (Великобритании, Пруссии, Российской империи) с Латинской Америкой<sup>3</sup>, однако подобная перспектива двусторонних отношений не позволяет представить широкую панораму, которая включала бы в себя и глобальное измерение европейской Реставрации в Старом Свете, и ее связь с процессом обретения независимости латиноамериканскими странами.

В любом случае, даже в тех исследованиях, которые поднимали подобные вопросы, редко встречается подробное рассмотрение воздействия как Реставрации на процессы в Ибероамерике<sup>4</sup>, так и ибероамериканских революций на происходившее в Европе; чаще всего всё сводится к изложению дипломатических предложений со стороны европейцев и к смене альянсов и интересов испанского и португальского дворов в Южной Америке, что послужило причиной их конфликта. Такие исследования концентрируются на рассмотрении того, какие именно меморандумы и письма вызвало обращение испанского короля Фердинанда VII к великим державам по поводу оккупации португальцами Восточного берега (современного Уругвая. – *Пер.*) в 1816 г., а не на глобальном рассмотрении латиноамериканского вопроса в рамках нового международного порядка.

Впрочем, в 1990-е годы интерес к этой проблематике оживился благодаря работам американского историка Пола Шрёдера, опубликованным в журналах «The American Historical Review» и «The International History Review» [38]<sup>5</sup>. Шрёдер пересматривал широко распространенную среди историков

---

2. Исключением здесь является следующая работа: [21]. Разумеется, нельзя не упомянуть и мемуары Шатобриана, изданные на испанском [7]. Упоминания о конгрессах 1820-х годов содержатся также в: [30; 41; 42].

3. Среди исследований латиноамериканской проблематики назовем: [26; 35; 40; 24; 36; 28]. Последней по времени работой, хотя и не сфокусированной на Реставрации, является тематическое досье под редакцией М. Брауна и Г. Пэккетт [6].

4. Ибероамерика – совокупность бывших владений иберийских (в российской традиции пиренейских) стран – Испании и Португалии – в Новом Свете; фактически это обозначение является синонимом Латинской Америки. В национальных историографиях различных стран встречается и то, и другое наименование региона. Считается, что обозначение «Ибероамерика» сильнее подчеркивает историческую, языковую и культурную общность бывших метрополий и бывших колоний, однако в отечественной историографии традиционным является термин «Латинская Америка». – Прим. перевод. О.В. Окуневой.

5. В этом же номере журнала опубликованы статьи авторов, полемизировавших со Шрёдером (см. следующие примечания). Кроме того, работы других авторов, не

идею, что важнейшей составляющей договора по итогам Венского конгресса стало «равновесие власти», и утверждал, что подобное представление ошибочно. Шрёдер доказывал, что в Европе периода Реставрации восторжествовало не равновесие, а гегемонистская по своей сути система, которую возглавляли взаимно сдерживавшие друг друга Великобритания и Россия. Шрёдер признавал существование европейского «концерта наций» и его значительного влияния на международные отношения, но это не означало соизмеримого равновесия между всеми участниками Священного союза.

Шрёдер считал, что в 1792–1815 гг. в ходе войн и столкновений произошло установление хищнической гегемонии; после 1815 г. европейские державы перестали прибегать к силе и к нарушению прав других государств (что было типично для XVIII в.), чтобы прийти к согласию. Усталость от войны, по мнению Шрёдера, как раз и привела к необходимости «политического равновесия» (которое, однако, не означало равновесия во влиянии); подобное политическое равновесие всё равно по сути было гегемонистским и осуществлялось двумя великими державами – Великобританией и Россией – хотя и в мирной форме.

Критики концепции Шрёдера указывали, что определение «гегемония» не объясняет, каким образом «гегемонистская политика» была способна поддерживать мир и удерживать страны от открытых военных столкновений в 1815–1848 гг. [27, р. 711]. Эти оппоненты полагали, что система, намеченная Венским конгрессом, была по сути многополярной, наделенной системой сдержек и противовесов, и учитывала интересы всех стран-участниц, включая небольшие и средние государства Центральной Европы. Такие интересы – даже если предположить, что управляла ими Великобритания – не могут объясняться исключительно в терминах безопасности и торговых интересов третьих стран, но должны толковаться и как выражение развития индустриальных обществ, и как ответ на внутренние тенденции развития каждого государства. Иными словами, для англичан равновесие было выгодно не только для достижения внешнеполитических целей, но и для внутренней стабильности Англии и поддержания политической и социальной систем [20, р. 728].

В дискуссии выдвигался и аргумент из арсенала политологии: претендующее на гегемонию государство может способствовать равновесию в общей системе, поскольку желание доминировать на международной арене приведет к сплачиванию остальных государств в попытке сдержать и ограничить гегемона. Таким образом, идея противовеса срабатывала в той мере, в которой каждое государство признавало, что слишком сильный нажим

---

*согласных со Шрёдером, были опубликованы в: «The International History Review» (1994. Vol. 16. N 4). Ответ Шрёдера этим многочисленным критикам см.: [37].*

может привести к сплочению остальных против себя [23, р. 717]<sup>6</sup>. Тем самым речь шла больше, чем о равновесии, а именно о «концерте»: предпосылкой равновесия является индивидуальная инициатива, в то время как «концерт» предполагает, что государства думают о своей политике в более глобальной форме и больше полагаются на аналогичные действия других.

Эти дискуссии были намного оживленнее и богаче по содержанию, чем может отразить данный краткий обзор. Они благотворно сказались на изучении Реставрации как ключевого момента трансформации в истории Европы XIX в. Помимо политики и дипломатии появились другие важные сферы для анализа: изменения на территориях, затронутых конфликтами, природа соперничества между странами, роль войны и дальнейшее преобразование войны в иные формы противостояния и соперничества, значение динамики революционных и контрреволюционных процессов, экономическое и социальное развитие индустриальных обществ [39]. При этом, несмотря на всё вышеизложенное, дискуссия продолжала вращаться вокруг критических суждений Шрёдера о равновесии влияний, достигнутом в Вене, и не выходила за пределы этих хронологических (1815) и географических (Европа) рамок. Тем самым 1820-е годы не слишком часто изучались с точки зрения строительства государства-нации на основе либеральных принципов (новые латиноамериканские республики); возможная связь этих процессов с революционными тенденциями в самом Старом Свете также достаточно мало изучена. Вот почему настоящая статья сконцентрирована именно на этой проблематике; в ней будут предложены возможные направления исследования, учитывающие новые взгляды и более комплексное представление о периоде в целом.

### **Обретение независимости испано-американскими республиками как форма либеральной революции**

Традиционно европейская Реставрация интерпретировалась как торжество контрреволюции после того потрясения основ, которое представляла собой Французская революция. Считалось, что сторонники Старого порядка взяли верх над нарождающейся буржуазией и новой политической реальностью – правовым государством [15]. В этом смысле уход со сцены Наполеона Бонапарта завершал собой 20-летний период революций и войн и открывал европейским государствам эру мира, спокойствия и процветания [3]. Объяснение

---

*6. Цитируемый автор полагает, что изменения, произошедшие после Наполеоновских войн, в большей степени связаны с интересами каждого конкретного государства, а не со сменой принципов, приоритетов или ценностей государства, как утверждал П. Шрёдер.*

сути данного периода как конструирование новой европейской легитимности на основе консенсуса и политики альянсов стало важным достижением историографии [25]<sup>7</sup>. Тем не менее по-прежнему малочисленными оставались работы, выходящие за пределы Старого Света; тем самым затушевывалось значение глубоких революционных изменений на американском континенте. Именно в силу того, что международные отношения европейских государств приобрели в этот момент первостепенную важность, невозможно не принимать в расчет значимость изменений, произошедших по другую сторону Атлантики. Если война и революция покинули европейскую землю, в Иberoамерике этого не произошло.

Восприятие независимости ибероамериканских республик как формы либеральной революции появилось уже в момент самих событий. Обретение независимости воспринималось как закономерный этап в развитии наций – как часть их «природного предназначения». Подобный взгляд современников был в дальнейшем развит национальными историографиями, в которых поддерживалась идея позитивного значения освободительных революций для выработки и обоснования собственных «нациестроительных» мифов и представлений о национальной самобытности [1]<sup>8</sup>.

Известно, что понятие «революция» появилось до того, как в конце XVIII в. сложилась революционная ситуация; этот термин был синонимичен понятиям «мятеж», «бунт», «восстание», «стычка» и с легкостью заменялся ими. С момента получения независимости тринадцатью североамериканскими колониями у термина появилась положительная окраска, а с приходом Французской революции он стал подразумевать еще и универсальность явления<sup>9</sup>.

---

7. В 1990-х годах, как отмечалось выше, эту концепцию подверг критике П. Шрёдер.

8. По мнению Инес Кинтеро, война за независимость превратилась в «неизменный рассказ» о неоспоримых фактах, которые отныне не полагалось подвергать сомнению [33]. Мы не можем пересказать здесь все существующие в латиноамериканской историографии интерпретации идеи войны за независимость как основополагающего национального мифа и адресуем читателя к следующему изданию: [10].

9. Мы опускаем здесь толкование термина «революция» в духе астрономии Коперника (колебательное движение, направленное вперед, и равное ему по силе возвратное колебание), хотя именно это значение является исходным; в дальнейшем умеренные политики иногда использовали данный оттенок смысла, делая из «революции» синоним реформы или восстановления прежнего порядка вещей. Впрочем, уже с середины XVII в. англичане начинают использовать рассматриваемый термин для обозначения борьбы за свободу и против деспотизма; к ним примыкают такие авторы, как Жакур [34].

В настоящей работе мы не ставим цель изучить историю бытования термина и его концептуальное наполнение (это частично уже сделано специалистами в данном вопросе). Мы хотим лишь обратить внимание на распространенность и многозначность исторической категории, которой иногда оперируют без должной точности [17].

Иными словами, к концу XVIII в. еще сохраняются прежние значения слова, но всё сильнее заявляет о себе новое значение, вобравшее в себя и наследие эпохи Просвещения, и собственно революционный опыт. «Революция» отныне означает еще и то, что ее современники отдадут себе отчет в значительности происходящих на их глазах изменений. Такое новое понимание революции – это идея изменения, помноженная на просвещенный рационализм; ее знамя – борьба за свободу как основополагающий процесс, ее единственное возможное предназначение – быть универсальной. Именно поэтому революцию окрестили «либеральной», поскольку идеалы либералов – борцов за свободу – черпались в идейном и практическом наследии тех, кто совершал революции<sup>10</sup>.

В связи со всем этим зададимся несколькими вопросами. Во-первых, каково было самоощущение главных действующих лиц революционных событий: насколько они осознавали, что живут в необыкновенную эпоху важных социальных и политических трансформаций? Записки современников событий (американской и французской революций, других революционных событий Европы и Америки) часто дают ответы на эти вопросы. Так, в 1811 г. испанский либерал Исидоро де Антийон употреблял термин «революция» в политическом смысле, оценивая «испанскую революцию» как способность испанского народа покончить с деспотизмом и установить нормы, гарантирующие свободу и равенство перед законом [2, р. 33]. По его собственным словам, народ смог «учредить себя в революции»; тем самым за рассматриваемым понятием закреплялась идея осознанного желания провозгласить / учредить / создать нечто. Как в индивидуальном, так и в коллективном сознании второй половины XVIII в. часто присутствовало ощущение близости революции или эпохи революций – как у тех, кто ее призывал и ждал, так и у тех, кто ее страшился.

---

10. Известно, что на протяжении долгого времени определению «либеральная революция» противопоставлялось другое – «буржуазная революция», в котором подчеркивалось указание на социальный класс, игравший главную роль в подобных трансформациях. Это породило обширные и глубокие дискуссии, которые хоть и снабдили историков солидными теоретическими изысканиями и некоторыми скрупулезными эмпирическими исследованиями, в основном занимались тем, чтобы проецировать идеальные модели на весьма разнородную действительность. В настоящее время оба определения отошли «в зону преимущественного влияния» двух разных методологических направлений: первым «завладела» история идей и концептов, а второе взяла на вооружение неомарксистский подход. Мы полагаем, что любая попытка объяснить эти революционные процессы во всей их сложности и глубине невозможна без учета того «шлейфа», который тянется и за данными двумя определениями, и за другими аналогичными понятиями.

Во-вторых, новое значение термина «революция» подпитывалось собственным революционным опытом. Можно сказать, что это понятие расширяется и усложняется по мере того, как революция проживается и испытывается на практике – даже если при этом собственно слово и не произносится. Вот почему достаточно частой оказывается ситуация, когда в текстах времен пика революционных событий нет прямых, развернутых и должным образом обоснованных в политическом и философском отношении обозначений происходящего как революции (или же такие случаи сравнительно редки). Разумеется, те, кто станет прибегать к прожитому революционному опыту, будут делать это, исходя из собственного восприятия событий, а не из желания передать завершённую идею революции. При этом во многих случаях такое личное восприятие событий будет отмечено претензией на универсальность полученного опыта (как уже отмечалось выше, идея универсальности закрепляется за описываемым понятием со времен французской революции).

В-третьих, революция не может быть определена и «прочувствована» без противопоставления себя контрреволюции или предреволюционному состоянию дел. Контрреволюция в лице традиционалистских кругов будет стремиться любой ценой покончить с революцией и с ее последствиями, стереть ее со скрижалей истории, «выбросить ее из потока времени», как сказал бы Фердинанд VII. Определение революции через сопоставление с предшествующими событиями будет делаться теми, кто, признавая необходимость перемен, разойдется во мнениях относительно примененных средств и сопутствующего революции радикализма. Тем самым рассматриваемый термин получает развитие и в одну, и в другую стороны, но со схожим результатом. Революция и реакция становятся двумя ипостасями одного и того же процесса, который, как правило, оценивается через призму исключительно революции, но который необходимо воспринимать диалектически [19].

В случае с ибероамериканскими странами получение независимости воспринималось как революция исключительно в политической перспективе (как освобождение от монархий Пиренейского полуострова) и с точки зрения формирования мифа о рождении нации. Однако подобный подход не рассматривал и даже обнулял значение произошедших социальных изменений. Такого рода повествование об обретении независимости еще больше усиливало мысль о решающей роли борьбы с внешним врагом («Испанией» и «Португалией»), что само собой должно было стереть любые социальные или этнические различия внутри новорожденных республик. Всё население без разбора стало изображаться как креольское<sup>11</sup> и белое; социально-

---

*11. В различных регионах Латинской Америки у понятия «креоль» несколько значений: это и категория смешанного (от браков между разными расами) населения, и обозначение негров-рабов, родившихся уже в Новом Свете. Однако применительно*



экономические различия отбрасывались, главной стала общность в лоне единой нации. Тем самым от событий в их историографической обработке осталось обретение независимости, но не осталось революции. Не было достойных для показа социальных или экономических изменений, была лишь нация, которая в едином порыве – шла ли речь о мексиканцах, о колумбийцах, о перуанцах, о венесуэльцах или о бразильцах, – сбросила с себя колониальное ярмо и поспешила на помощь угнетенной родине.

Тем не менее процесс обретения независимости всё же должен рассматриваться как революция еще и потому, что на месте бывших колоний сформировались либеральные государства-нации. Важно отметить, что освободительное движение возобладаало не просто в метрополиях, а таких метрополиях, которые на тот момент олицетворяли Старый порядок<sup>12</sup>. Война за независимость не могла стать столкновением наций (по крайней мере, в современном и политическом значении слова, которое приписывается событиям традиционной историографией), поскольку ни Испания с Португалией, ни их американские колониальные владения – точнее, владения, принадлежащие короне и тому, кто в данный момент занимал престол, – не являлись суверенными нациями<sup>13</sup>. То, что происходило в Латинской Америке и на Пиренейском полуострове, представляло собой революционную трансформацию юридических структур Старого порядка в соответствии с принципами политического и экономического либерализма; подобная трансформация происходила с разной скоростью и обладала разными характеристиками.

Образование новых республик в Латинской Америке (большинство из них возникло в 1820-е годы) должно рассматриваться как в контексте европейской Реставрации, так и в контексте постоянно меняющегося на протяжении всего XIX в. соотношения между революцией и реакцией, между либерализмом и антилиберализмом. Угроза вторжения на американский континент Священного союза могла быть использована как катализатор получения независимости и как аргумент в пользу юридического и политического отделения

---

*к эпохе войны за независимость испанских колоний у термина «креол» существовало собственное устойчивое значение: представитель колониального общества, уроженец Америки. Он мог быть чистокровным европейцем или потомком смешанного брака, главное было, что он родился уже в колониях и именно их, а не далекую Испанию, считал своей родиной. Говоря о «креолизации» всего населения новопровозглашенных латиноамериканских республик, автор настоящей статьи имеет в виду именно это последнее значение термина. – Прим. перевод.*

12. Подробнее об этом см.: [18].

13. В последние годы в историографии наблюдается возвращение интереса к проблематике создания (или конструирования) наций; новые подходы пересматривают или ставят под сомнение традиционные трактовки национального вопроса в Латинской Америке. В качестве примера назовем следующие работы: [8; 31; 32].

от испанской и португальской монархий. В этом смысле отождествление реакционных сил с монархией не оставило иного выбора, кроме республиканской формы правления – для максимального дистанцирования от европейского абсолютизма. Политическое отделение (т.е. независимость) было необходимо для завершения государственного строительства (т.е. революции).

Новые государства, появившиеся в Латинской Америке, были сходными по своему устройству: их политическая и конституционная культуры основывались на либеральном понимании государства и на предоставлении гражданских и связанных с ними политических прав. Большинство государств ввели у себя парламентское представительство (парламенты – Конгресс или Ассамблея, – как правило, были двухпалатными), приняли политическую конституцию, где провозглашались естественные права, национальный суверенитет и свобода прессы. В выборных процедурах, как правило, присутствовал тот или иной ценз, что ограничивало право на голосование, но, с другой стороны, право участвовать в выборах получили те значительные слои населения, которые ранее им не обладали (в особенности при выборах на местном уровне). С этой точки зрения политическое гражданство расширилось; нация стала пониматься как новый политический субъект, обладающий суверенитетом.

Либеральная революция не только оформила новые территориально-политические единицы (государства-нации), но и изменила их социально-экономическое положение. С одной стороны, прежнее имущество короны должно было стать имуществом нации: новые правительства не преминули обратить внимание на его невысокую ликвидность и на необходимость обложить его налогом. Недавно созданным органам законодательной власти нужно было принять декреты о прямых взносах и о налогах, которые должны были соответствовать идеям либерализма и отвечать принципам равенства, пропорциональности и единообразия налогообложения. Подобный процесс не обошелся без сопротивления со стороны некоторых новых граждан-республиканцев, недавно ставших частью политической нации.

Более того: получив независимость, новые государства отменили налоги, монополии и отчисления в пользу королевской казны, но не сумели ввести свои собственные. Были упразднены таможи и монополии на торговлю с бывшей метрополией; им на смену пришла бесконтрольная свобода торговли. Нуждавшиеся в международной экономической помощи новые республики открыли свои рынки, на которые хлынули иностранные товары, что привело к коллапсу местной экономики. Этим положением не преминули воспользоваться два основных соперника во внешней торговле с Латинской Америкой – Великобритания и США, которые принялись признавать новые республики в обмен на займы. Последствия были очевидны: с самого рождения латиноамериканские государства оказались опутаны долгами перед международным финансовым капитализмом.

В социальном отношении последствия также не заставили себя ждать: потеря внутренних и межрегиональных рынков сбыта привела к тому, что значительная часть городских и сельских ремесленников оказалась обречена. В города хлынул поток разорившихся и безработных людей в поисках заработка; в большинстве случаев они превратились в маргиналов, побирающихся ради пропитания или вынужденных идти на мелкие преступления. Для борьбы с этим во многих городах были созданы «Трибуналы бродяг» для контроля за теми, у кого, по мнению властей, не было стабильного занятия или отвечающего нормам образа жизни. Правительства со своей стороны попытались ввести этот поток в какое-то русло, учреждая дома благотворительности, дома призрения и госпитали, которые действовали наподобие центров по социальной реабилитации и реинтеграции в общество в качестве граждан; в таких центрах заставляли трудиться в специальных мастерских.

Данный пример – наиболее показательная иллюстрация того, как революция создала свои собственные противоречия, провозгласив естественные права для всех, но одновременно породив экономическое и социальное неравенство, которое трудно было преодолеть. Социальный контроль ограничился созданием гражданских военизированных объединений (по образу ополчений), которые в большинстве случаев и обеспечивали внутренний порядок в городах, и мобилизовывали население на защиту республиканского и либерального государства. Во время войны за независимость народные слои получили оружие и милитаризовались; после войны их нужно было разоружить и поставить под контроль. Эту задачу возложили на военизированные образования, которые подчинили гражданской власти в виде муниципалитетов.

Армии, участвовавшие в войне за независимость, также подверглись реформированию со стороны новых правительств. В проектах их «национализации» объединились идеи гражданского долга по защите родины, записанного в конституции. Однако одновременно с этим армии выступили инструментом демаркации границ новых национальных государств; тем самым национальная идентичность приобрела привязку к территории. Многие из военных, участвовавших в войне за независимость, в дальнейшем упрочили свой социальный и имущественный статус, став частью олигархии, которая оставалась у власти на протяжении XIX в.

\* \* \*

Подобный краткий обзор основных изменений, произошедших на территории бывших испанских и португальских колоний после обретения ими

независимости, показывает, что эти трансформации нельзя рассматривать исключительно как политические<sup>14</sup>. Разумеется, новые государства избрали иной – республиканский – вид правления и начали менять колониальные структуры на пути к государству-нации, основывавшемуся на либерализме первой волны. Смена формального носителя государственной власти – от короля к нации – означала больше, чем переход к иному режиму правления. Разумеется, помимо разрыва была и преемственность (обозначим этот пункт, но не будем вдаваться сейчас в детали), но очевидно, что если существовала реакция, то совершенно точно произошла и революция. Циклы и волны, подъемы и спады, наступления и отступления – вот та глобальная историческая динамика развития Америки и Европы, в контекст которой необходимо поместить изучение новых независимых латиноамериканских государств.

#### **Некоторые замечания о перспективах исследования**

Итак, на основании всего, что было сказано выше, очевидно, что европейская Реставрация – это отнюдь не простое возвращение к ситуации до 1789 г. Это стремление воссоздать политический порядок на основе принципов исторической легитимности и попытка вернуть «донаполеоновскую» упорядоченность и равновесие в отношениях между державами, принимая при этом наследие Наполеона. Здесь важно подчеркнуть то значение, которое латиноамериканские территории приобрели для европейцев с началом войны за независимость. В период между 1815 и 1828 гг. практически все американские колонии Испании и Португалии превратились в независимые республики с либеральными конституционными правительствами (за исключением Бразилии, которая с получением независимости осталась монархией. – *Перевод.*) Это предполагало не только изменение статуса дипломатических отношений европейских держав и новых государств Латинской Америки, но и политическое и экономическое воздействие как на Европу, так и на Америку. Данный тезис предполагает следующие возможные направления исследований описываемого периода.

Двигаясь от общего к частному, повторим еще раз, что изучение европейской Реставрации, которое замыкалось бы в анализе дипломатических и иных сношений между пятью великими державами (Великобританией, Францией, Австрией, Пруссией и Россией) и остальным миром не столь перспективно, как комплексный исторический анализ, который включал бы и рассмотрение экономических и социальных трансформаций, вызванных революционными процессами как в Европе, так и в Америке. Разумеется,

---

14. Более подробно эти аргументы изложены в: [9].

## РОССИЯ И МИР В XIX ВЕКЕ

---

подобный анализ весьма сложен из-за множества факторов, которые нужно удерживать в поле зрения, однако уже сама такая перспектива показывает, что потенциал изучения эпохи 1820-х годов еще далеко не исчерпан.

Необходимо расширение географических рамок и выход за пределы одной лишь Европы. Но и простого изучения влияния Европы на Америку в одностороннем порядке (как это делалось до нынешнего времени), как представляется, недостаточно. Интересы и европейских держав, и новых латиноамериканских республик были многочисленны и взаимопереплетены. В этом отношении европейская Реставрация – это больше, чем просто фон, на котором проходила война за независимость, и больше чем просто повод к этой войне. Известно, что события в Новом Свете облегчили монархиям Испании и Португалии возможность военной интервенции на американскую территорию с одобрения европейских держав. Но известно и то, что реальная или гипотетическая перспектива такого вмешательства помогла восставшим сплотиться вокруг требований независимости как первоочередного условия дальнейших мирных переговоров. Вернувшись на престол как абсолютный монарх, испанский король Фердинанд VII задумал военную интервенцию в восставшие колонии и направил для этого экспедицию генерала Морийо. Пусть это и не обсуждалось на Венском конгрессе (Испания не хотела вмешательства союзников в колониальные вопросы), но уже совсем скоро Фердинанду VII пришлось запросить посредничества европейских держав в конфликте вокруг Восточного берега Рио-де-Ла Платы на границе с Бразилией [5, р. 13; 26; 13]. В 1816 г. на Восточный берег вторглись португальские войска под предлогом защиты монархии от революционного восстания и на основании того принципа легитимности, который провозгласил европейский «концерт наций».

Правительство Рио-де-Жанейро<sup>15</sup> обеспечило себе сочувствие европейских союзников, аргументируя свои действия защитой того, что испанская монархия защитить не смогла, не сумев исполнить свой долг колониальной державы и умиротворить территории вокруг Рио-де-Ла Платы. Парадоксальным образом наполеоновская Европа, которая могла бы поддержать и консолидировать революционные процессы и учредить либеральные и конституционные правительства, оказалась для войны за независимость в Латинской Америке менее благоприятным контекстом, чем абсолютистская (в значительной своей части) Европа, которая с образованием Священного союза подтвердила принцип возможности военного вмешательства.

---

*15. С 1815 г. Бразилия являлась уже не колонией, а составной частью Объединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарви. – Прим. пер.*

Таким образом, война, ведшаяся с 1815 г. в значительной части испанской Америки, вписывается в сложный комплекс процессов, которые начались в 1810 г. и которые привели к обретению независимости [9]. Тем самым исследователю необходимо иметь в виду различие между отдельными фазами войны за независимость, принимая во внимание события по обе стороны Атлантического океана. Иными словами, обретение независимости в Латинской Америке не может рассматриваться как единое, неизменное и одностороннее событие, поскольку таковым оно не являлось. Политическая стратегия правительства восставших колоний (а затем – новых республик) должна оцениваться, исходя из диалектики отношений с метрополией, в которой, наряду с монархией, чередой сменялись различные кабинеты (это замечание относится и к европейским монархиям в период с 1810 по 1830 г.). Отделиться от абсолютистского государства, которым были Испания и Португалия в 1815 г. – не одно и то же, что отделиться от конституционного государства, которым обе пиренейские страны одно время были в 1810-х и 1820-х годах. Независимость и революция не всегда шли рука об руку; обретение независимости произошло потому, что в условиях европейской реакции независимость была необходима для упрочения революции. Если бы революционная трансформация шла одновременно с преобразованием метрополий в государства-нации, требование независимости не было бы столь оправданно.

Возвращение большинства событий войны за независимость в исторический контекст 1820-х годов показывает, как менялась революционная конъюнктура, и позволяет связать процессы обретения независимости с военными интервенциями Священного союза в Европе<sup>16</sup>. Видя дрейф европейских держав в сторону реакции, латиноамериканские страны поспешили упрочить свою независимость, получив дипломатическое признание со стороны Великобритании, Франции и США. Случайность это или нет, но все три державы уже не были абсолютистскими.

Иными словами, нельзя не подчеркнуть, что смена исторической конъюнктуры между 1810-ми и 1820-ми годами коснулась и европейских держав, и латиноамериканских революций. И речь здесь не только о том, что на конгрессе в Вероне 1822 г. изменилась политическая позиция Австрии и Пруссии, которые вступили в новый союз с Россией в поддержку Фердинанда VII, а признание со стороны США независимости латиноамериканских

---

*16. Это особенно заметно на примере Мексики: там, в 1823 г. в Конгрессе обсуждалась возможность вторжения на территорию страны войск Священного союза, что стало бы повторением судьбы Испании. С такой точки зрения независимость (хотя и провозглашенная ранее, а не в данный конкретный момент) была наиболее очевидной альтернативой перспективе вновь попасть под власть абсолютистского государства.*

республик в мае 1822 г. [16] имело ряд последствий для Великобритании, но и о том, что в самой Латинской Америке события продолжали развиваться как настоящие либерально-буржуазные революции.

Новые республиканские режимы не просто пассивно воспринимали веяния из Европы или США и не ограничивались одним лишь ожиданием признания. Революционная диалектика в Латинской Америке первой четверти XIX в. не может быть понята без учета политической и конституционной практики: обретшие независимость бывшие колонии начали воплощать на практике принципы Кадисской конституции 1812 г. в те моменты, когда сама испанская монархия представляла собой либеральный и конституционный режим (1812–1814; 1820–1823). Получение независимости предполагало триумф революции (как в политическом, так и в экономическом аспектах), невзирая на все сложности, и это обстоятельство оказывало значительное давление на те иностранные державы, у которых были интересы в данном регионе – на США и Великобританию.

Период Реставрации представляется интересным предметом исследования именно с точки зрения сложного сочетания двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, попытки ввести практику военных интервенций и коллективной ответственности держав за недопущение революций таким образом, чтобы Священный союз был неким сторожем, если не жандармом Европы. С другой стороны, продолжалось действие реформ наполеоновского времени. Тем самым предметом анализа должны быть как попытки контрреволюционных сил сдержать новые революции, так и новые идеологические и политические образы восходящего к Просвещению и максимально широко понимаемого либерального проекта. В подобной перспективе исследование революций, основанных на принципах либерализма, неотделимо от изучения антилиберальных сил вне зависимости от того, были ли они реакционными или нет. Такая широкая перспектива подразумевает концентрацию внимания не только на постнаполеоновской Европе, но и на интересах европейских монархий в Америке в предшествующие десятилетия [35, р. 8–9].

С этим связан вопрос об отказе членов Священного союза от военной интервенции в Новый Свет и о выдвижении Великобритании на первый план в качестве посредника в деле «либерального урегулирования» конфликта Испании со своими колониями. Тезис о «слабости» европейской системы, доказательством чему служат революции в Латинской Америке, должен быть переосмыслен. Необходимо более глубокое объяснение тому, почему члены Священного союза позволили революциям победить в Новом Свете [26, р. 65]. Здесь уместно поставить вопрос о причинах перемещения революционного импульса в Америку с 1815 г. и о том, почему «концерт держав» не помешал развитию революций так, как он сделал это в Европе. В чем заклю-

чался интерес европейских держав в неоказании помощи Испании и Португалии в их борьбе с восставшими колониями?

Было бы интересно также проанализировать, как европейские монархии воспринимали американский феномен, имея в виду, что в самой Европе сосуществовало несколько тенденций: революционная, умеренно-либеральная, контрреволюционная и антилиберальная, реакционная и т.п. Здесь же стоит поставить вопрос о том, как свое отношение к Европе определяли первые республиканские правительства и в какой степени их первые действия (в частности, отразившихся в законах, принятых первыми учредительными собраниями) оставались свободными от встречных требований признания независимости.

Отметим, что соотнесение политического проекта Реставрации с новой формирующейся экономической реальностью происходило не без сложностей, примером чему является роль Великобритании в европейских альянсах. Экономическая и промышленная трансформация Великобритании в 1820-е годы была подготовлена ее глобальной торговой экспансией. Поскольку обретение независимости бывшими испанскими колониями предполагало, наряду с политическими изменениями, и открытие новых рынков для европейских держав (в первую очередь для Великобритании, но не только), возможно поставить вопрос о том, не эти ли экономические и торговые интересы европейских держав побудили их допустить либеральные революции в Латинской Америке. Здесь же уместно рассмотреть, как именно Великобритания сумела сочетать свои интересы в Латинской Америке и свою роль посредника между ней и Европой. Несомненно, в этом контексте присутствовали еще и дипломатические (и иные) трения с Россией, и требование от Испании запретить работорговлю. Отметим также среди факторов изменения позиции Великобритании в 1820-х годах приход в качестве министра иностранных дел Джорджа Каннинга и то давление, которое оказали США своим односторонним признанием де-юре новых республик Латинской Америки<sup>17</sup>.

Назовем еще несколько интересных направлений исследования. Американские колонии Испании являлись частью королевского имущества, и на этом основании король осуществлял над ними духовный патронат. Какова была позиция Папы Римского после обретения колониями независимости и утратой испанским католическим королем этого патроната? И как решали данный вопрос новые либеральные республики? Вопрос здесь заключался не только в признании со стороны папского престола, но и в юридической трансформации патроната, который в колониальные времена был целой

---

*17. По мнению М. Коссока, политика Каннинга продолжила линию Кастельеро, но при этом еще и помогла английской буржуазии на последней стадии промышленной революции [26, р. 131].*



институцией и который при новых республиках был фактически национализирован. В историографии некоторых стран Латинской Америки этот вопрос частично уже затрагивался<sup>18</sup>, однако комплексное его изучение пока отсутствует.

Таким образом, европейская Реставрация по-прежнему заслуживает внимания исследователей. Речь идет уже не только о традиционной проблематике (история дипломатии и международных отношений), но и о новой постановке вопроса о соотношении в тот период революции и реакции и о ведущей роли здесь новых латиноамериканских республик. 1820-е годы отличаются своеобразием, поскольку на это время приходится перестановки в международных альянсах и одновременно происходят революционные процессы в Латинской Америке. Бездействие европейского «концерта держав» – отсутствие признания новых республик, но наравне с этим и отсутствие действий, направленных на предотвращение консолидации новых режимов – интересно именно как результат наложения множества интересов европейских держав (и те, что были связаны с Новым Светом, должны рассматриваться не сами по себе, а именно в комплексе), а не просто как признание слабости или провала европейских альянсов. Подобные новые подходы открывают историкам обширные перспективы и предоставляют им немалый фронт работ.

### Библиография

1. Altez, R. Una categoría conceptual a la deriva: Discusión sobre la aplicabilidad de «revolución» a finales del siglo XVIII // Vovelle, M., Chust, M., Serrano, J.A. (eds.). Escarapelas y Coronas. Las revoluciones continentales en América y Europa, 1776–1835. Caracas: Editorial Alfa, 2012. P. 39–80.
2. Antillón, I. de. Colección de documentos inéditos, pertenecientes a la historia política de nuestra revolución. Palma de Mallorca, Imprenta de Miguel Domingo, 1811.
3. Bertier de Sauvigny, G. de. La Restauración. Madrid: Pegaso, 1980.
4. Bew, J. Castlereagh. A life. Oxford: Oxford University Press, 2012. 752 p.
5. Brennecke, C. ¿De 'ejemplo' a mancha de Europa? La guerra de independencia española y sus efectos sobre la imagen oficial de España durante el Congreso de Viena (1814–1815). Madrid: CSIC, 2010. 224 p.
6. Brown, M., Paquette, G. (ed.). The Persistence of Mutual Influence: Europe and Latin America in the 1820s // European History Quarterly. N 41. 2011. P. 387–443.
7. Chateaubriand, F.-R. Congreso de Verona. Guerra de España, negociaciones, colonias españolas. Madrid, Machado libros, 2011. 292 p.
8. Chiaramonte, J.C., Marichal, C., Granados, A. (orgs.). Crear la nación. Buenos Aires: Sudamericana, 2008. 378 p.
9. Chust, M., Frasset, I. Tiempos de revolución. Comprender las independencias iberoamericanas. Madrid, Taurus-Mafre, 2013. 336 p.

---

*18. Наиболее исследованным в этом отношении является пример Мексики. См.: [11; 14].*

10. Chust M., Serrano J.A. (eds.). Debates sobre las independencias iberoamericanas. Madrid: AHILA; Iberoamericana. Vervuert, 2007. 340 p.
11. Connaughton, B. El ocaso del proyecto de «Nación Católica». Patronato virtual, préstamos y presiones regionales, 1821–1856 // Connaughton, B., Illades, C., Pérez Toledo, S. (coords.). Construcción de la legitimidad política en México. México: Colmich-UAM-UNAM-Colmex, 1999. P. 227–262.
12. Contamine, H. Diplomatie et diplomates sous la Restauration, 1814–1830. Paris: Hachette, 1970. 410 p.
13. Corner, K.W. La independencia de la América española y la diplomacia alemana. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1968. 288 p.
14. Dossier «El patronato de la Iglesia americana: de la Monarquía a los Estados nacionales» // Historia Crítica. 2014. N 52. Bogotá, 288 p.
15. Droz, J. Europa, Restauración y revolución, 1815–1848. Madrid: Siglo XXI, 1974.
16. Fernández Palacios, J.M. Antecedentes de la Doctrina Monroe: posibilidades reales y percepciones acerca de una intervención de la Santa Alianza en Hispanoamérica // Ab Initio. 2011. N 3. P. 73–96.
17. Fernández, Sebastián J. (dir.). Diccionario político y social del mundo iberoamericano. Conceptos políticos fundamentales, 1770–1870 [Iberconceptos II]. Madrid: Universidad del País Vasco, Euskal Herriko Unibersitatea, Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2014. 1422 p.
18. Frasset, I. Estados y revoluciones en Iberoamérica. A propósito de las independencias en la década de 1820 // Altez R., Chust M. (eds.). Las revoluciones en el largo siglo XIX latinoamericano. [Münster in Westfalen, Germany Madrid]: AHILA; Madrid: Iberoamericana; Frankfurt am Main: Vervuert, 2015. P. 65–86.
19. García Moneris, E., García Moneris, C. Palabras en guerra. La experiencia revolucionaria y el lenguaje de la reacción // Pasado y Memoria. Revista de Historia contemporánea. 2011. N 10. P. 139–162.
20. Gruner, W. d. Was there a Reformed Balance of Power System or Cooperative Great Powers Hegemony? // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. N 3. P. 725–732.
21. Irby, C.N. Jr. The European Pentarchy and the Congress of Verona, 1822. The Hague: Martinus Nijhoff, 1971. 363 p.
22. Jarret, M. The Congress of Vienna and its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon. London: I.B. Tauris, 2014. 522 p.
23. Jervis, R. A Political Science Perspective on the Balance of Power and the Concert // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. N 3. P. 716–724.
24. Kaufmann, W.W. La política británica y la independencia de América latina, 1804–1828. Caracas: Universidad Central de Venezuela, 1963.
25. Kissinger, H. A World Restored; Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–1822. Boston: Houghton Mifflin, 1957. 354 p.
26. Kossok, M. Historia de la Santa Alianza y la emancipación de América. México: Ed. Cartago, 1983. 295 p.
27. Kraehe, E.E. A Bipolar Balance of Power // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. N 3. P. 707–715.
28. La independencia de la América española y la diplomacia alemana, introducción, selección y traducción de Karl W. Corner. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires – Instituto de Historia Argentina Dr. Emilio Ravignani, 1968. 341 p.
29. Mary Alsop, S. Alegría y escándalo de un congreso. Viena, 1814–1815. México: FCE, 1986. 316 p.

## РОССИЯ И МИР В XIX ВЕКЕ

---

30. Nicolson, H. *The Congress of Vienna; a Study in Allied Unity, 1812–1822*. New York: The Viking Press, 1969. 312 p.
31. Palacios, G. (coord). *La nación y su historia. Independencias, relato historiográfico y debates sobre la nación: América Latina siglo XIX*. México, El Colegio de México, 2009. 413 p.
32. Pérez Vejo, T. (coord). *La construcción de las naciones como problema historiográfico: El caso del mundo hispánico // Historia Mexicana*. 2003. Octubre–diciembre. N 210. P. 275–311.
33. Quintero, I. *El relato invariable. Independencia, mito y nación*. Caracas: Editorial Alfa, 2011. 297 p.
34. Roura i Aulinas, L. *Revolución de «revolución». El giro del concepto «revolución» a finales del siglo XVIII // Vovelle M., Chust M., Serrano J.A. (eds.). Debates sobre las independencias iberoamericanas*. Madrid: AHILA; Iberoamericana. Vervuert, 2007. P. 13–38.
35. Russell, H. *Imperial Russia and the Struggle for Latin American Independence, 1808–1828*. Austin: University of Texas, 197. 236 p.
36. Schmieder, U. *Prusia y el Congreso de Verona. Estudio acerca de la política de la Santa Alianza en la cuestión española*. Madrid: Ed. del Orto, 1998.
37. Schroeder, P.W. *Balance of Power and Political Equilibrium: A response // The International History Review*. 1994. Vol. 16. N 4. P. 663–680.
38. Schroeder P.W. *Did the Vienna Settlement Rest on a Balance of Power? // The American Historical Review*. 1992. Vol. 97. N 3. P. 683–706.
39. Scott, H.M. *Paul W. Schroeder's International System: The View from Vienna // The International History Review*. 1994. Vol. 16. N 4. P. 663–680.
40. Webster, C. (ed). *Britain and the Independence of Latin America, 1812–1826. Select Documents from the Foreign Office Archives*. London: University of London, 1938. Vol. I–II.
41. Webster, C.K. *The Congress of Vienna, 1814–1815*. London: H. Milford, Oxford University Press, 1919. 174 p.
42. Webster, C.K. *The foreign policy of Castlereagh, 1815–1822: Britain and the European alliance*. London: Bell, 1947. 618 p.
43. Zamoyski A. *Rites of Peace. The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna*. London: Harper Perennial, 2008. 654 p.

### References

- Altez R. *Una categoría conceptual a la deriva: discusión sobre la aplicabilidad de «revolución» a finales del siglo XVIII // Vovelle M., Chust M., Serrano J.A. (eds.). Escarapelas y Coronas. Las revoluciones continentales en América y Europa, 1776–1835*. Caracas: Editorial Alfa, 2012. P. 39–80.
- Antillón I. de. *Colección de documentos inéditos, pertenecientes a la historia política de nuestra revolución*. Palma de Mallorca, Imprenta de Miguel Domingo, 1811.
- Bertier de Sauvigny G. de. *La Restauración*. Madrid: Pegaso, 1980.
- Bew J. *Castlereagh. A life*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 752 p.
- Brennecke C. *¿De 'ejemplo' a mancha de Europa? La guerra de independencia española y sus efectos sobre la imagen oficial de España durante el Congreso de Viena (1814–1815)*. Madrid: CSIC, 2010. 224 p.
- Brown M., Paquette G. (ed.). *The Persistence of Mutual Influence: Europe and Latin America in the 1820s // European History Quarterly*. N 41. 2011. P. 387–443.
- Chateaubriand F.-R. *Congreso de Verona. Guerra de España, negociaciones, colonias españolas*. Madrid, Machado libros, 2011. 292 p.
- Chiaramonte J.C., Marichal C., Granados A. (orgs.). *Crear la nación*. Buenos Aires: Sudamericana, 2008. 378 p.

Chust M., Frasset I. *Tiempos de revolución. Comprender las independencias iberoamericanas*. Madrid, Taurus-Mapfre, 2013. 336 p.

Chust M., Serrano J.A. (eds.). *Debates sobre las independencias iberoamericanas*. Madrid: AHILA; Iberoamericana. Vervuert, 2007. 340 p.

Connaughton B.F. El ocaso del proyecto de «Nación Católica». Patronato virtual, préstamos y presiones regionales, 1821–1856 // Connaughton B., Illades C., Pérez Toledo S. (coords.). *Construcción de la legitimidad política en México*. México: Colmich-UAM-UNAM-Colmex, 1999. P. 227–262.

Contamine H. *Diplomatie et diplomates sous la Restauration, 1814–1830*. Paris: Hachette, 1970. 410 p.

Corner K.W. *La independencia de la América española y la diplomacia alemana*. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1968. 288 p.

Dossier «El patronato de la Iglesia americana: De la Monarquía a los Estados nacionales» // *Historia Crítica*. 2014. N 52. Bogotá, 288 p.

Droz J. *Europa, Restauración y revolución, 1815–1848*. Madrid: Siglo XXI, 1974.

Fernández Palacios J.M. *Antecedentes de la Doctrina Monroe: posibilidades reales y percepciones acerca de una intervención de la Santa Alianza en Hispanoamérica* // *Ab Initio*. 2011. N 3. P. 73–96.

Fernández Sebastián J. (dir.). *Diccionario político y social del mundo iberoamericano. Conceptos políticos fundamentales, 1770–1870 [Iberconceptos II]*. Madrid: Universidad del País Vasco, Euskal Herriko Unibersitatea, Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2014. 1422 p.

Frasset I. *Estados y revoluciones en Iberoamérica. A propósito de las independencias en la década de 1820* // Altez R., Chust M. (eds.). *Las revoluciones en el largo siglo XIX latinoamericano*. Madrid: AHILA; Iberoamericana. Vervuert, 2015. P. 65–86.

García Moneris E., García Moneris C. *Palabras en guerra. La experiencia revolucionaria y el lenguaje de la reacción* // *Pasado y Memoria. Revista de Historia contemporánea*. 2011. N 10. P. 139–162.

Gruner W. d. *Was there a Reformed Balance of Power System or Cooperative Great Powers Hegemony?* // *The American Historical Review*. 1992. Vol. 97. N 3. P. 725–732.

Irby C.N. Jr. *The European Pentarchy and the Congress of Verona, 1822*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1971. 363 p.

Jarret M. *The Congress of Vienna and its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon*. London: I.B. Tauris, 2014. 522 p.

Jervis R. *A Political Science Perspective on the Balance of Power and the Concert* // *The American Historical Review*. 1992. Vol. 97. N 3. P. 716–724.

Kaufmann W.W. *La política británica y la independencia de América latina, 1804–1828*. Caracas: Universidad Central de Venezuela, 1963.

Kissinger H. *A World Restored; Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–1822*. Boston: Houghton Mifflin, 1957. 354 p.

Kossok M. *Historia de la Santa Alianza y la emancipación de América*. México: Ed. Cartago, 1983. 295 p.

Kraehe E.E. *A Bipolar Balance of Power* // *The American Historical Review*. 1992. Vol. 97. N 3. P. 707–715.

*La independencia de la América española y la diplomacia alemana, introducción, selección y traducción de Karl W. Corner*. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires – Instituto de Historia Argentina Dr. Emilio Ravignani, 1968. 341 p.

Mary Alsop S. *Alegría y escándalo de un congreso. Viena, 1814–1815*. México: FCE, 1986. 316 p.

## РОССИЯ И МИР В XIX ВЕКЕ

---

- Nicolson H. *The Congress of Vienna; a Study in Allied Unity, 1812–1822*. New York: The Viking Press, 1969. 312 p.
- Palacios G. (coord). *La nación y su historia. Independencias, relato historiográfico y debates sobre la nación: América Latina siglo XIX*. México, El Colegio de México, 2009. 413 p.
- Pérez Vejo T. (coord). *La construcción de las naciones como problema historiográfico: El caso del mundo hispánico // Historia Mexicana*. 2003. Octubre-diciembre. N 210. P. 275–311.
- Quintero I. *El relato invariable. Independencia, mito y nación*. Caracas: Editorial Alfa, 2011. 297 p.
- Roura i Aulinas L. *Revolución de «revolución». El giro del concepto «revolución» a finales del siglo XVIII // Vovelle M., Chust M., Serrano J.A. (eds.). Debates sobre las independencias iberoamericanas*. Madrid: AHILA; Iberoamericana. Vervuert, 2007. P. 13–38.
- Russell H. Bartley. *Imperial Russia and the Struggle for Latin American Independence, 1808–1828*. Austin: University of Texas, 197. 236 p.
- Schmieder U. *Prusia y el Congreso de Verona. Estudio acerca de la política de la Santa Alianza en la cuestión española*. Madrid: Ed. del Orto, 1998.
- Schroeder P.W. *Balance of Power and Political Equilibrium: A response // The International History Review*. 1994. Vol. 16. N 4. P. 663–680.
- Schroeder P.W. *Did the Vienna Settlement Rest on a Balance of Power? // The American Historical Review*. 1992. Vol. 97. N 3. P. 683–706.
- Scott H.M. *Paul W. Schroeder's International System: The View from Vienna // The International History Review*. 1994. Vol. 16. N 4. P. 663–680.
- Webster C. (ed). *Britain and the Independence of Latin America, 1812–1826. Select Documents from the Foreign Office Archives*. London: University of London, 1938. Vol. I–II.
- Webster C.K. *The Congress of Vienna, 1814–1815*. London: H. Milford, Oxford University Press, 1919. 174 p.
- Webster C.K. *The foreign policy of Castlereagh, 1815–1822: Britain and the European alliance*. London: Bell, 1947. 618 p.
- Zamoyski A. *Rites of Peace. The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna*. London: Harper Perennial, 2008. 654 p.